

Сопоставительный анализ функционально-семантического поля посессивности в удмуртском и английском языках

Сопоставительное исследование семантических категорий неродственных языков в терминах функциональной грамматики представляется наиболее плодотворным и интересным с точки зрения теории языка, т. к. помогает более наглядно выявить черты общности и различия в изучаемых языках. Необходимость настоящего исследования вызвана не только общеязыковедческим интересом, но и переводческими проблемами.

Известно, что семантическая категория посессивности является универсальной для всех языков, но средства ее выражения различны в разных языках, и при переводе возникает проблема выбора эквивалента.

Средства выражения принадлежности охватывают единицы морфологического и синтаксического уровней, которые можно объединить в функционально-семантическое поле (ФСП), являющееся полицентрическим, поскольку выделяется атрибутивный центр с ядром и периферией и предикативный. Таким образом, речь идет об атрибутивной посессивности и предикативной [ТФГ 1987: 35].

Удмуртский язык как агглютинирующий имеет специальные притяжательные суффиксы, указывающие не только на лицо обладателя, но и число, поэтому их количество достаточно большое, и они составляют ядро атрибутивного центра ФСП посессивности, их атрибутивность заключена в значении суффиксов. На периферии располагаются словосочетания существительного с притяжательным местоимением, существительного с другим существительным в родительном падеже, словосочетания существительного с другим существительным, образованные путем примыкания. Например, *шурлэн вуэз, школа сад, солэн кабанъёсыз* и т. д.

Предикативная посессивность представлена словами *вань/öвöl* и соответствующим существительным, оформленным морфологическим притяжательным суффиксом: *мынам книгае вань/мынам книгае öвöl*.

В английском языке ФСП посессивности также является бицентрическим, представленным атрибутивным и предикативными центрами. Основным средством выражения принадлежности является формант *-s*, присоединяющийся к существительным одушевленным, другими средствами являются словосочетания притяжательных местоимений с существительными: *my room, his house* и т. д., существительного с существительным: *school garden, house window*. Предикативный центр представлен глаголами *have (have got), belong, to be* в сочетании с абсолютной формой притяжательных местоимений: *This book is mine*.

Таким образом, ФСП посессивности в сопоставляемых языках представлены языковыми единицами морфологического и синтаксического уровней, различия их заключаются в частотности употребления единиц морфологического уровня.

Анализ ФСП изучаемых языков был бы неполным без анализа функционирования языковых единиц на синтагматическом уровне. Проанализируем несколько речевых произведений, содержащих средства выражения принадлежности в удмуртском языке и их эквивалентов в английском.

Атай мынам берам йырзэ сзъяса пуке. Со ялан одйг дышем интыяз пуке (Красильников 1978: 3).

Интыяз, йырзэ выражают принадлежность третьему лицу благодаря суффиксам *-зэ, -яз*, в английском языке им соответствует притяжательное местоимение *his*, поэтому *йырзэ* переводится как *his head*, *интыяз* – *in his place*.

Тынад, пияш, дйськутэд вылад ик жсуа, лэся (Красильников 1978: 4).

В приведенном предложении принадлежность выражается дважды: притяжательным местоимением *тынад* и суффиксом *-эд*, в английском языке этому словосочетанию также соответствует атрибутивное словосочетание с притяжательным местоимением – *your clothes*.

Ма кызы герзаськемын луоз, оgez – колхозлэн ваньбурез, мукетыз – кулаклен (Емельянов 1983: 16).

В словосочетании *колхозлэн ваньбурез* принадлежность выражается как при помощи родительного падежа, так и суффикса *-ез*, что переводится на английский язык как *collective farms' property* или *the property of the collective farm*, т. е. выражается либо формантом *-s'*, либо предлогом *of*.

К числу притяжательных конструкций относится и словосочетание, состоящее из двух существительных, соединенных посредством примыкания, и связанных отношением принадлежности.

Например: *Ну сутйм колхоз складэз. Казна тэль мыным умой тодмо* (Емельянов 1993: 19).

Колхоз складэз – ‘склад, принадлежащий колхозу’, *казна тэль* – ‘лес, принадлежащий государству, казне’ переводятся на английский язык соответствующими словосочетаниями, состоящими из двух существительных: *collective farm storehouse* и *state forest*.

Кроме словосочетаний средствами выражения посессивности служат и предложения со словами *өвөл, вань*.

Мон сямен нянед тынад өвөл ни (Емельянов 1993: 9). Отрицанию *өвөл* в английском языке соответствует глагол *have (have got)* в отрицательной форме, притяжательность может быть передана притяжательным местоимением *your*: *You haven't got (your) bread*.

Асьмелэн вань трос талантливой учёнойёсмы, инженеръёсмы, культура удысын ужасъёсмы (УЗС 1983: 73). принадлежность выражается и в словах асьмелэн, вань и в словах, оформленных суффиксом -мы, на английский язык это значение передается при помощи глагола *have*, который связывает лицо обладателя и предмет обладания:

We have got a lot of talented scientists, engineers, people dealing with culture.

Анализ материала показывает, что существующие притяжательные конструкции не всегда выражают отношение **обладатель – предмет обладания**. Проанализируем несколько примеров: *Сотэк но сюлмаськонъёсы өжыт өвёл. Пальпотыса вазиз со, милям мылкыдмы ик каньыл луиз* (Ходырев 2001: 16).

Сюлмаськонъёсы, милям мылкыдмы выражают внутреннее состояние говорящего, они соответственно переводятся на английский язык как *my troubles, our mood*.

Мон вöтам кадь гинэ тодйсько солэсь войнаысь бертэмзэ (Красильников 1978: 3). В приведенном примере в словосочетании *солэсь бертэмзэ* выражаются субъектно-процессные отношения, и на английский язык они переводятся герундиальным комплексом *his coming back* или атрибутивным словосочетанием с существительным, образованным от глагола – *his return*.

Гурезь ултй бызись сюбеггес шурлэн вуэз ошмесын кадь чаж-чаж кезьыт (Емельянов 1993: 19). *Шурлэн вуэз* выражает отношение части и целого. Как правило, на английский язык подобные словосочетания переводятся конструкцией с предлогом *of*: *the water of the river*.

Табере та нюлэслэн чеберез Пурайгуртысь улйсьёслы кылемын (Емельянов 1993: 24). *Нюлэслэн чеберез* выражает качество, внутренне присущее предмету, и переводится на английский язык как *the beauty of the forest*.

Значительные трудности при переводе с английского языка на удмуртский могут вызвать притяжательные конструкции, утратившие значение притяжательности. Например: *men's clothes – воргорон дйсь*, конструкция имеет относительно-качественное значение; *the morning's paper* содержит временную характеристику и переводится на удмуртский язык как *чужна потэм газет*; *a mile 's walk* – пространственную характеристику – *одйг иськем мынон*. Кроме того, существительные, оформленные формантом *-s'*, могут употребляться без определяемого слова, обозначая место действия. Например, *at Swithin's – Суизин дорын* [Бархударов, Штелинг 1973: 47]. Как видно из приведенных примеров, притяжательные конструкции, не имеющие значения принадлежности, пе-

реводятся на удмуртский язык различными словосочетаниями, не выражающими значения принадлежности.

В результате проведенного анализа выявлены общие признаки ФСП посессивности в сопоставляемых языках, несмотря на их неродственность, что объясняется универсальностью семантических категорий. Различия же касаются средств реализации этой категории в высказываниях. В удмуртском языке ни атрибутивную посессивность, ни предикативную невозможно выразить без морфологических средств, за исключением некоторых словосочетаний, образованных из существительных при помощи примыкания. Различия в строе языков требуют тщательного выбора эквивалента для достижения адекватности передачи содержания высказывания с одного языка на другой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Емельянов Л. Е. Сюлэмъёссы жугиськизы артэ. Ижевск: Тодон изд-во, 1993. 234 с.

Красильников Г. Д. Тонэн кылысько. Ижевск: Удмуртия, 1978. 248 с.

УЭС 1983 – Удмурт-зуч словарь. М: Русский язык, 1983. 591 с.

Ходырев Г. Х. Кыдёкын-а инвис? Ижевск: Удмуртия, 2001. 272 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бархударов Л. С., Штеллинг Д. А. Грамматика английского языка. М.: Высш. школа, 1973. 422 с.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962.

ТФГ – Теория функциональной грамматики. Л.: Наука, 1987. 348 с.

Pirkko Suihkonen, Bibinur Zagulyaeva and Galina Tronina Udmurt-English-Finnish Dictionary with a Basic Grammar of English. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1995. 326 p.